

групп населения современного Казахстана.

Возрождение казахского языка и усиление его витальности является главным направлением реализуемого в Казахстане корпусного планирования и планирования усвоения и распространения государственного языка. Оно осуществляется: 1. в возрождении языка, направленного на развитие его корпуса; 2. в возрождении, направленном на расширение функционирования, соответствующее его статусу; 3. в возрождении, направленном на усвоение его разными группами населения; 4. в расширении сфер использования казахского языка. Система мер по поэтапному расширению функциональных сфер казахского языка, активизации его консолидирующей роли включает в себя также и закрепление его в качестве символа государственной независимости. Расширение сфер применения государственного языка отвечает также и диалектике развития государственного суверенитета Республики Казахстан.

Идеология интернационализации основывается на императиве коммуникативной востребованности английского языка как доминирующего в мировом сообществе языков. Стремительно идущие процессы глобализации и грядущей четвертой промышленной революции мотивируют широкое изучение английского языка не только как языка коммуникации, но и как языка современной науки и технологий.

Современная языковая ситуация в Казахстане, определяемая как экзогlossная, поликомпонентная характеризуется также и устойчивой перспективой функциональной востребованности русского языка в коммуникативном, образовательном, информационном и научном пространстве современного Казахстана. Степень витальности русского языка на территории Казахстана, правовая закреплённость его статуса как официального, дают весомое основание прогнозировать стабильность и устойчивость его коммуникативной динамики.

В целом, языковую политику современного Казахстана можно охарактеризовать как сбалансированную и гармонично сочетающую интересы всех без исключения проживающих этносов Республики.

Список использованных источников

1. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане: Монография. Алматы: Экономика, 2006. 416с.
2. Э.Д. Сулейменова, Ж.С. Смагулова. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Алматы, «Қазақ университеті», 2005.
3. Э.Д. Сулейменова. Русский язык и этнодемографические процессы в Казахстане. // Русский язык в контексте этноязыковых процессов в Республике Казахстан, Алматы, 2008.
4. Словарь социолингвистических терминов. Изд. 2-е дополн. под ред. Э.Д. Сулейменовой. - Алматы: Қазақ университеті, 2007.
5. Иванов И.С. Десять лет новой внешней политики России. - М., 2001.

Медведок Т.В. – старший преподаватель, Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск

СТАТУС ИРОНИИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В настоящее время интерес к изучению иронии повсеместно распространен не только в пространстве философии, культурологии, эстетики, теории и истории литературы, но к исследованию данной проблемы обращаются социологи и политологи, театральные и литературные критики, педагоги.

Распространившийся интерес к проблеме иронии обуславливает то, что необходимо изучать не только функционирование данного понятия на теоретическом и практическом уровнях, но также его конструкцию и организацию в сфере философского познания.

«Мировоззренческие аспекты изучения иронии являются наиболее значимыми для философского понимания, поскольку именно здесь устанавливаются зависимости между различными сторонами действительности, открывающиеся особенно ярко в драматические моменты существования человека и общества» [1;6].

Исследователь А.И. Стригунов в работе «Ирония в структуре мировоззрения: постановка проблемы» обращает внимание, что ирония не должна быть сведена до частной особенности мышления, подчеркивая вместе с этим, что «...представляется весьма важным для исследования генезиса иронического мировоззрения личности изучить особенности социально-исторических ситуаций, характеризующихся как объективно-иронические» [2;129].

«Ирония – это отклонение от нормального, она сама отклоняется от того, что считает нормальным, истинным, реальным, скрывается от него в противопоставленном ему ненормальном, недействительном, нереальном, чтобы агрессивно ринуться на него, разоблачая, вскрывая, срывая покровы. В этом бегстве от людей и вещей, которое в сущности является возвращением к ним, игра иронии и «игривость» сознания ироника» [3;61-62]. Но для подобной игровой деятельности требуется определенная степень зрелости исторического сознания, и, соответственно, обнаружение и функционирование логико-понятийного мышления свидетельствует о наличии иронического дискурса.

Возникновение иронии – закономерный итог возникнувшего напряжения между индивидом и обществом, обособление и отделение человека, которое не могло осуществиться молниеносно. Ирония практически чужда, чужеродна мифологическому и религиозному типам мировоззрения.

В мифологии человек и окружающая его действительность воспринимаются как связанные воедино, обнаруживают себя продолжением друг друга, и в таком случае специалисты ведут речь о синкретизме мифологического мировоззрения. Миф на данном отрезке общественного развития оказывается вне зоны воз-

возможностей критического мышления субъекта – собственно, рефлексия еще и не выявила себя в пространстве данного типа мировоззрения. Субъект познания в этот момент не готов допустить возможность различий произнесенного и предполагаемого на самом деле – индивид подобен ребенку: выражает то, что думает, и что он думает, то и сообщает. «...Появление иронии является свидетельством разрушения целостности древнего мифологического сознания и инструментом обновленной картины мира, которая исчерпала потенциал своего развития в рамках актуальной парадигмы» [4;7].

Религиозное мировоззрение демонстрирует определенные изменения, происходящие в структуре общественного мировоззрения, но, однако же, представляется затруднительным вести речь о том, что наконец наступает время появления на свет иронии как сферы человеческой субъективности. Единственным творцом иронии здесь априори мог бы быть Бог, однако же библейский Бог наставляет, сообщает, предупреждает, грозит, но затруднительно утверждать, что он ироничен. Что же касается человека, то религиозное пространство веры – это пространство преимущественно чувственно-эмоциональное, не затрагивающее активного критицизма сознания индивида.

С древнейших времен все новое вызывает настороженное отношение, а то и страх. Это связано с возможностью опасности, к которой человек еще не готов. К совершенно новому, неизвестному явлению или предмету нельзя отнестись иронически до тех пор, пока не будет установлено отсутствие угрозы с его стороны или замечено сходство его с каким-либо ничтожным явлением.

Ирония обнаруживает вещи в неожиданном, новом свете, вызывает эффект отстранения, делает заметным общественный интерес к субъекту оценки, обуславливает ценностную ориентацию, способствует трансформации противоречия и определяет творческий поиск идеала.

«Иронию можно рассматривать как понятие для определения подмены имеющегося смысла скрытым, что не только напрягает переход от «знания к незнанию» (К. Поппер), но и демонстрирует конечность человеческого существования, укорененность человека в бытии, обусловленность ее историко-культурным контекстом» [5;12].

В средневековой философии ирония оказывается невостребованной по причине того, что все сущее представлено в двух мирах. Первый мир (подлинный, трансцендентный) – это мир божественный, священный, духовный, небесный. Второй мир (неподлинный, имманентный) – человеческий, плотский, земной, греховный мир. «Ирония оказалась вытесненной за рамки ортодоксальной религиозной философии» [6;172].

Отсутствие иронической тональности в работах профессиональных мыслителей этого времени в полной мере компенсировалось за счёт смеховой оценки извне. Согласно М.М. Бахтину, безграничный набор смеховых форм сотворил совершенно иной мир. «Через искромётные пародии переосмысливались не только буквально все моменты церковного культа, постулаты христианского вероучения, эпитафии, постановления церковных соборов, но и религиозно-философские учения» [6;172]. Официальной, подчеркнуто серьёзной манере философствования был противопоставлен иронизм народного праздника, стихия смеха, праздника, веселья.

Народная смеховая культура представляла собой особую точку зрения на мир в целом, на его культуру и историю. Различные проявления народной смеховой культуры, куда входила и ирония, представляли собой ответ на все правила и условности официального мира с его догматами и запретами, создавая свою реальность по своим правилам и устраняя однозначность действительности «Общеизвестна роль канонов, религиозных догматов, различных ритуальных форм поведения в иерархически организованном средневековом обществе» [4;12].

Смеховой мир является скорее не оппозицией мира официальных отношений, а обратной его стороной, «антимиром». Здесь можно вспомнить различные карнавальные праздники или, например, придворных шутов, веселящих и высмеивающих коронованных особ. В это же время иронию все чаще начинают использовать в литературе. «Средневековый смех полифункционален – исследователи отмечают и педагогический, и гедонистический, и жизнеутверждающий, и «кощунственный» аспекты этого смеха – не случайно он был ограничен только сферой праздника, а позднее полностью запрещен..., ибо вопреки ортодоксам смех приобретал социально-критические функции не столько утверждения, сколько отрицания» [4;13].

Имеется точка зрения, что содержание категории «ирония» в эпоху средневековья не может быть оценено однозначно, поскольку в этот период не было сделано фундаментального вклада в развитие содержания понятия иронии в философском либо эстетическом аспекте. Но, наряду с этим «средневековая ирония может быть понята в качестве мировоззренческой позиции, отражающей определенную грань бытия. Вследствии мировоззренческое понимание феномена иронии получило определенное развитие в философии ряда мыслителей» [7;8].

Исследователь В. Янкевич провозглашает невозможность иронии в Средние века, полагая, что мораль этой эпохи не позволяла проявлений притворства и несерьезности. Что же касается тех исследователей, которые считают, что традиция Средних веков вполне допускала возможность выражения иронического отношения, то они расходятся в оценивании той роли, которую играла ирония в европейской средневековой культуре. «С одной стороны, в Средние века использование иронии было ограничено сферой риторического мастерства, поэтому можно сказать, что эта эпоха – время однозначной трактовки понятия ирония... Риторическая традиция Средневековья опиралась на каноническое определение иронии как антифразиса» [8;36].

Вместе с тем есть основания полагать, что ирония понимается в средневековой культуре и как специфическое отношение к жизни, обусловленное влиянием христианской морали. Средневековый художник

неизбежно ироничен, поскольку пытается имитировать божественное творение и одновременно понимает собственное несовершенство, тщетность попыток достичь божественного уровня. «В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности восприятия художниками Средневековья собственных произведений с позиций иронии, поскольку сама антиномия безграничности божественного и ограниченности человеческого, скорее всего, является результатом современного истолкования текстов рассматриваемой эпохи» [9;81].

Итак, эпоха Средних веков по большей части не располагает к применению иронии в границах философского дискурса, однако же в это время ирония получает довольно активное употребление в народной смеховой культуре, создавая, таким образом, противовес распространенному религиозному аскетизму.

Список использованных источников

1. Серкова, В. А. Ирония в философском мышлении : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В. А. Серкова; ЛГУ. – Ленинград, 1989. – 16 с.
2. Стригунов, А. И. Ирония в структуре мировоззрения / А. И. Стригунов // Диалектика форм и уровней общественного сознания: межвуз. сб. науч. ст. – Барнаул, Изд-во АГУ, 1988. – С. 118–132.
3. Паси, И. Ирония как эстетическая категория / И. Паси // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. – М.: Наука, 1980. – С. 60–84.
4. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.
5. Гейко, С. И. Іронія як культурна універсаль: філософський аналіз : автореф. дис. ... канд. філолог. наук : 09.00.04 / С. М. Гейко ; Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – Київ, 2007. – 17 с.
6. Мальцева, О. В. Метаморфозы философской иронии: от Сократа к постмодерну / О. В. Мальцева // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. - №1. – С.169-185.
7. Коновалова, О. А. Ирония как атрибут культуры эпохи постмодерна (философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / О. А. Коновалова; КемГУКИ. – Кемерово, 2005. – 18 с.
8. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж. 2014. – 399 с.
9. Заврумов, З. А. Литературно-философское понятие иронии: диахронический аспект / З. А. Заврумов // Новый университет. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2016. - №11-12. – С.80-82.

Кударина А.С. – м.п.н., ст. преподаватель, Мусабеева Б.Б – магистрант, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ПОЛИЯЗЫЧИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Сегодня, в век технологизации и глобализации, наблюдается активизация процесса поиска эффективных условий, механизмов воспитания молодежи, способной к диалогу с другими культурами. Как известно, человек не может состояться как языковая личность, не освоив культуры общения, культуры диалога. История общества показывает, что процветание общества зависит не только от экономики и техники и даже не от общей культуры, а от культуры слова. И действительно, подготовка разностороннего специалиста, обладающего высоким уровнем культуры (в том числе и культуры слова) – главная проблема образования сегодня. Реалии современного этапа развития общества, языковая ситуация в Казахстане – многонациональном, с многовековой историей, в которой переплелись народы, нации, культуры, в настоящее время диктуют необходимость разработки основных методических принципов и подходов к формированию коммуникабельной языковой личности.

Актуальность поликультурного и полилингвального обучения определяется всеобщей мировой тенденцией к интеграции в экономической, культурной и политической сферах. Полилингвальное обучение мы понимаем как целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда изучаемые языки выступают в качестве способа постижения сферы специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов. Известно, что только то государство может успешно развиваться и гармонично вписаться в ряд ведущих стран мира, которое сумеет создать для своих граждан достойные условия для приобретения качественного и современного образования [1].

Сегодня перед образованием в Казахстане поставлена высокая планка. Оно должно стать конкурентно-способным, высококачественным, таким, чтобы выпускники казахстанской школы могли легко продолжать обучение в зарубежных вузах. Поэтому важнейшей стратегической задачей образования является, с одной стороны сохранение лучших казахстанских образовательных традиций, с другой стороны, обеспечение выпускников школ международными квалификационными качествами, развитие их лингвистического сознания, в основе которого – овладение государственным, родным, и иностранными языками. В этой связи понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки учащихся. Полиязычие – основа формирования поликультурной личности. Цель поликультурного и полиязычного образования может заключаться в формировании человека, способного к активной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас и верований.

Одни ученые полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, а другие – что язык лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры. По мнению, Э. Сепира, «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как